

УДК 130.2:327

Ходаковский Е.А.

Смутная война двенадцатого года: истоки и перспективы

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности

E-mail: khodakovsky@bk.ru

На рубеже XX–XXI вв. масштабное применение технологий «цветных» революций, «гуманитарных интервенций», управления хаосом привели к появлению войн нового типа, ведущихся в сфере идей и смыслов, – смутных войн. Основной мишенью стали ценности и традиции, историческая память целых поколений. И многие проблемы современного Российского государства связаны с тем, что уже третье десятилетие наша страна находится в эпицентре глобального смутного противоборства.

Ключевые слова: Глобальная смута, Запад, Восток, Россия, западники, евразийцы.

Сегодня, чтобы сохранить целостность России, нужна особо мощная цивилизационная идея...

А.С. Панарин

В период после окончания «холодной войны» человечество вступило в новую эпоху глобального противоборства. Масштабные изменения в геополитической и военно-стратегической сферах сопровождалась выработкой и применением США принципиально новой технологии «катастрофического переустройства» мира, направленной на дезорганизацию социальной структуры отдельных стран и регион, в том числе с использованием информационно-пропагандистских средств манипулирования массовым сознанием.

Борьба за умы представителей незападных культур была провозглашена основной целью «агрессивной стратегии национальной безопасности», в реализации которой «США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать... какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека»¹. *Впервые в истории доминирующая на мировой арене держава стала основным субъектом разрушения сложившейся системы международных отношений.* США целенаправленно и последовательно подталкивают человечество к Глобальной смуте.

В качестве уникального периода развития человечества Глобальная смута вызревает за счет противоречивого взаимодействия ряда долговременных тенденций и факторов.

- На фоне ускоряющегося роста глобальных проблем происходит кризис государства как основной исторической формы самоорганизации человечества. Потенциал государства как субъекта эволюции перестает соответствовать потребностям государства как объекта глобальной и региональной безопасности.

- Исчерпание созидательного потенциала модели развития государств Запада (идеологии либерализма, политического устройства нации-государства, рыночной экономики, массовой культуры) является прологом к завершению пятивекового периода глобального доминирования последовательно сменяющих друг друга атлантических держав (Португалия, Испания, Великобритания и США).

- На фоне замедления интеграционных процессов ЕС и снижения «сверхдержавного» потенциала США рост влияния Китая и Индии приводит к своеобразному реваншу Востока над Западом, Суши над Морем.

- Борьба за глобальное лидерство осложняется тем, что возросло число потенциальных участников масштабных конфликтов – «смутьянов», обладающих ядерным оружием и средствами его доставки. Реальной становится угроза ядерного терроризма.

- Динамика современных глобальных и региональных трансформаций в условиях мирового экономического кризиса и глобального демографического перехода обладает импульсивным, взрывным характером, затрудняющим прогнозирование возможного хода и последствий очередного передела мира.

Смута приводит к дезориентации миллионов людей, сеет панику и раздор. Смутные мысли и предчувствия, если им не противостоят, порождают смутные действия, призрачный кошмар становится реальностью. Вожди, элиты и народы попадают в ловушки пагубных заблуждений, из которых приходится выбираться за счет экстремального напряжения усилий, превосходящего порой индивидуальные и социальные возможности. Из-за этого преодоление смуты связано с гибелью многих людей, крушением устоев, развалом государственного устройства. При этом в смутных условиях зыбкого балансирования на грани жизни и смерти решающим для конечного исхода может ока-

¹ Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). Vol. XXII. Autumn 1992.

заться и самое незначительное событие...

Американский исследователь Р. Стил, характеризуя новую экспансионистскую политику США как «культурный империализм», утверждал: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру – и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»¹.

Философ и социолог А.А. Зиновьев отмечал, что система ценностей западного общества «... в современных условиях переросла в систему соблазнов. Это нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. ... Благодаря масс-медиа все достижения в сфере жизненных благ стали общеизвестными. Молниеносно становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом отношении, что будет сделано и что считается возможным. А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступными всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазнителя, только сулящего всеобщий земной рай». В отношениях с не-западными обществами «мощная система соблазнов и идеологическая обработка» направлены на то, чтобы «заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности»².

Австралийская писательница Маргарет Вертхайм считает, что для большей части населения земли «американская культура похожа на опасный вирус». «Вирус» американской культуры и стиля жизни воспроизводится с такой легкостью из-за того, что в его основе – обещание изобилия, соблазн обогащения». Немецкий международный обозреватель Йозеф Иоффе назвал Америку «угрожающей и соблазнительной, чудовищной и образцовой»³.

Управление с помощью «мягких», манипуляционных технологий не исключает применения «жестких», репрессивных мер. Государства иных цивилизационных сфер, пытающиеся проводить самостоятельную политику, объявляются террористическими, «государствами-отщепенцами», против них разворачиваются крупномасштабные идеологические и военные кампании, все чаще используется вмешательство во внутренние дела суверенных государств, смена неугодных режимов марионеточными, санкции, бойкоты, военная агрессия.

Со второй половины 1980-х гг. инструментарий теории катастроф и технологии рефлексивного управления стали неотъемлемой частью арсенала «цветных» революций в Восточной Европе и Центральной Азии, «экспорта демократии» на Ближнем Востоке. В начале 1990-х гг. начинается активизация использования методов «катастрофического переустройства» России⁴. Под предлогом обеспечения открытости и самоорганизации общества все новые сферы социальной жизни выводились из-под воздействия государственных структур управления. И постепенно антироссийская смутная кампания перешла в качественно новую фазу. Курс на дезинтеграцию Российского государства приобрел целенаправленный долговременный характер, отчетливо выразившийся в последовательных попытках активизации внесистемной российской оппозиции в ходе выборов Президента Российской Федерации в марте 2012 г.

Российское государство, обладающее уникальным мобилизационным потенциалом, неоднократно в истории преодолевало смутные эпохи. Но за последние сто лет жизненные силы русского народа подверглись чрезмерному напряжению и в настоящее время близки к полному исчерпанию. В XX в. отечественная империя-цивилизация⁵ дважды становилась объектом революционных преобразований.

В исторически сжатые сроки были осуществлены беспрецедентные по масштабу и глубине процессы деконструкции и попытки формирования нового государственного строя, кардинально отличающегося от предыдущего:

- сокрушена вся социально-политическая и экономическая структура Российской империи (завершающая фаза: 1905–1917);
- из разрухи и хаоса первой мировой и гражданской войны создана «интернациональная» коммунистическая система (1918–1922), во многом отрицающая предыдущий имперский строй;
- выстоявшая во Второй мировой войне и вернувшаяся к исполнению имперской миссии Советская держава проиграла в «холодной войне» и была разрушена (1985–1991) в два раза быстрее, чем Российская империя;
- в 1990-е гг. на развалинах Советского Союза была предпринята попытка создания новой, на этот раз либеральной, версии «российского интернационала» как отрицания советской империи-цивилизации.

Как и коммунистический, либеральный интернационал 1990-х в России осуществлялся в качестве отрицания предыдущего имперского периода. При этом сходные по своей сути, а иногда и совпадающие дословно, штампы идеологического противоборства двух кампаний деконструкции свидетельствуют о том, что управление обоих разрушительных процессов осуществлялось одним и тем же историческим субъектом⁶. А доминирующее участие в создании «режима победителей» представителей либерального интернационала позволяет однозначно определить этот субъект разрушительного воздействия. Эти грандиозные проекты, по нашему мнению, приоткрывают возможные масштабы грядущих изменений в рамках «нового мирового порядка», которые могут привести к тому, что XXI век станет «веком господства» глобальной элиты либерального интернационала.

Новый этап деконструкции России содержал ряд идеологических кампаний, размывающих гецивилизационный статус России. Общественному сознанию навязывались концепции приоритета «общечеловеческих» ценностей

¹ Цит. по: Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 55.

² Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. С. 360, 600.

³ Почему люди ненавидят Америку? / З. Сардар, М.В. Дэвис. Пер. с англ. М.: Проспект, 2003. С. 61, 128.

⁴ «...Мы уже предпринимаете меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем негосударственные средства массовой информации» (Mann S.R. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics and National Security. Washington, D.C. 1998).

⁵ Об основных положениях и понятиях разрабатываемого автором гецивилизационного подхода подробнее см.: Ходаковский Е.А. Третий путь III Рима: Стратегия России в XXI веке // Пространство и Время. 2011. № 1 (3). С. 19–25; Третий путь III Рима: Россия и Запад // Пространство и Время. 2011. № 2 (4). С. 19–26; Третий путь III Рима: Россия и Восток // Пространство и Время. 2011. № 3 (5). С. 19–26.

⁶ Так, например, несмотря на кардинальные различия в сфере национальной политики, и Российская, и Советская империи были заклеены как «гюрма народов».

и вхождения России в «общеευропейский дом», подкрепляемые целенаправленным очернительством отечественной истории, разрушением цивилизационной преемственности развития государства. Создаваемая большей частью средств массовой информации атмосфера была аналогична нигилистическим настроениям кружков радикальной интеллигенции второй половины XIX в.

Ф.М. Достоевский считал, что после реформ Петра и его менее талантливых последователей в верхних слоях Российского государства начинает преобладать тенденция саморазрушения, проявляющаяся в отрыве «верхов» от «почвы», что нашло свое отражение в русском барстве. «В полтора столетия предыдущей жизни русского барства за весьма малым исключением истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой... К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его... Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года»¹.

Русское барство послужило питательной средой для зарождения западничества в России, ставшим влиятельным идеологическим направлением на рубеже XVII и XVIII столетий. Попытка проведения модернизации по западному образцу сопровождалась европеизацией общества, вначале только его высших слоев, а впоследствии охватившей значительные массы разночинцев, а также студенчество. Между «жизнью народной и знанием высшего сословия», между правом «научнообразным, писанным и жизненным правом народа», по мнению Хомякова, образовался «глубокий и до сих пор не исцеленный разрыв в умственной и духовной сущности России, разрыв между ее самобытной жизнью и ее прививным просвещением»².

Опасную тенденцию превращения дворянства в замкнутую касту отмечал также представитель умеренного крыла западничества Кавелин. В.О. Ключевский в числе наиболее влиятельных западников XVII в. указывает И.А. Хворостинина, А.Л. Ордина-Нашекина и Ф.М. Ртищева. Со второй половины XVII в. западники (латинники) начали преобладать над восточниками (грекофилами), являвшимися сторонниками концепции «Москва – третий Рим». Несмотря на то, что утвердившееся в господствующем положении западничество стало объектом критики М.В. Ломоносова, Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова и других мыслителей, оно в целом оказывало монопольное влияние на формирование сознания высших слоев общества.

Важно отметить, что западничество является результатом взаимодействия локальных цивилизаций, порождающим сходные социально-политические процессы в различных странах. Преклонение перед ценностями иных социально-политических систем, определенная зависимость от них были характерными в разные периоды для многих народов: Древнего Рима, Ирана, европейских государств Средневековья, Германии, Франции, Англии Нового времени. Подобные тенденции как результат подражания Западу были характерны и для России. В. Зеньковский отмечал, что на протяжении нескольких столетий целые поколения представителей творческой интеллигенции и правящего класса попадали в плен к Западу.

Подлинная проблема состоит в том, насколько удачно используется опыт и традиции иных цивилизаций в собственном развитии, как организуется заимствование новаторских идей и технологий, а также их творческое усвоение. От успешного разрешения этой проблемы зависит динамичность эволюции социально-политических систем, их способность достигать свойственных им целей развития, а значит, зависит и эффективность обеспечения безопасности государств и народов, представляющих ту или иную локальную или региональную подсистему Запада, Востока или гецивилизации в целом. На Востоке в ходе цивилизационных взаимодействий доминирует стремление к сохранению существующих ценностей и традиций. Заимствования происходят, как правило, в той степени, в которой они не нарушают сложившуюся цивилизационную структуру.

В России отношения с Западом приобретали характер зависимости, порождающей «смесь французского с нижегородским» не только в языке, но и в философии, политике, экономике. Завершение формирования западничества как направления в русской общественной мысли первой половины XIX в., представители которого преклонялись перед западноевропейской культурой, считая ее образцом для подражания в России, было связано главным образом с деятельностью кружка Н.В. Станкевича (1813–1840). Большое влияние на деятельность кружка оказывали Т.Н. Грановский (1813–1855), М.А. Бакунин (1814–1875) и В.Г. Белинский (1810–1848). Впоследствии радикальные западники (Герцен, Белинский³, Огарев), пришедшие к революционному демократизму, обособились от умеренных, либералов, которых возглавил Т.Н. Грановский.

В социальных взглядах Грановского важное место отводилось народу. Народ, как считал философ, не есть скопление внешне соединенных лиц, но есть живое единство, система многообразных сил. Сущность народа – в народном духе. Великие люди – цвет народа – несут в себе дух народа «в наибольшей красоте». В этом положении творческого наследия Грановского отражается, по нашему мнению, призвание элиты: смысл и цель ее существования.

Значительным в развитии российских либеральных идей является вклад К.Д. Кавелина. На первом месте для Кавелина стоит «стремление к истине, правде и душевной красоте». Эстетический мотив, отвращение к пошлости и грубости определяют стиль его гуманизма. Он писал, что мы не боимся больше вторжения диких орд, но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении: дерево культуры цветет, а корни его гниют. В целом Кавелин придерживался реформистских взглядов. Понимая движение отечественной общественной жизни как движение «сверху вниз», особую роль он отводил дворянскому сословию. Целью же для России он называет «самодержавную

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Современник, 1989. С. 39.

² Цит. по: Мокренко В.И. Русская идея и современная Россия: социально-философский анализ. Дисс. ...канд. философ. наук / Российская академия управления. М., 1993. С. 68.

³ «Удивительными духовными фигурами являются... “отцы” русского социализма, “западники” Герцен и Белинский. ...За социально-политическими и историко-философскими высказываниями этих атеистов таятся сильные и типично русские религиозные устремления и идеи. ...В социализме Белинского... обнаруживается... тайная и неосознанная религиозная тенденция, ставящая и его в непосредственную близость к славянофильскому образу мышления» (Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 495).

республику», т.е. устройство, при котором соблюдается единство интересов государя, высших слоев общества и основной массы населения, представленной крестьянством. Привести же к этому могут отнюдь не политические, а административные реформы, проводимые «сверху», т.е. правящей элитой.

Умеренность воззрений либерального крыла западничества с лихвой перекрывалась максимализмом радикалов. Наиболее ярко эта черта проявилась у В.Г. Белинского: «Итак, я теперь в новой крайности, – это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию». Новая идея порождает предпосылки возникновения новых социальных отношений: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную... Отрицание – мой бог. В истории мои герои – разрушители старого – Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т.п. Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется – непосредственной), и потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было!»¹.

Как будто подтверждающая характеристику Достоевского², М.А. Бакунин заявляет: «Ревниво влюбленный в человеческую свободу и рассматривая ее как абсолютное условие всего, чему мы поклоняемся и что уважаем в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю: если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...»³. По мнению Бакунина, грядущий переворот приведет к рождению новой религии: «Мы накануне великого всемирного исторического переворота... он будет носить не политический, а принципиальный, религиозный характер... Речь идет не меньше, чем о новой религии, о религии демократии...»⁴.

Подобно Чернышевскому и Добролюбову, Д.Н. Писарев (1840–1868) в ранней юности, как указывает Н.О. Лосский (1870–1960), глубоко верил в Бога: «Во время учебы в университете он примкнул к кружку религиозных мистиков, давших обет вечного безбрачия. Возможно, что это излишество религиозного пыла послужило одной из причин вероотступничества двумя годами позднее»⁵. Пройдя через мировоззренческий кризис, Писарев стал приверженцем вульгарного материализма Фогта, Молешотта и Бюхнера. Он объяснял поведение людей побуждениями эгоизма и проповедовал освобождение личности от любого рода принуждения. Писарев с презрением относился к искусству и философии, заявляя, что пара ботинок для него ценнее всего творчества Шекспира. Подобно Бакунину, он проповедовал разрушение: «Что может быть сломано, должно быть сломано. Стоит любить только то, что выдержит удар. Что разбивается вдрызг, то хлам. В любом случае бей направо и налево. Это не принесет и не может принести вреда»⁶.

Более основательное в теоретическом плане либеральное крыло оказало менее значительное, в сравнении с радикалами, воздействие на социальное развитие России. Возможно, именно *примитивность в сочетании с агрессивностью обеспечили преимущество революционерам-радикалам в кризисной ситуации начала XX в.* Если умеренное западничество было уравновешено, а затем и преодолено славянофильством⁷, то несостоятельное в научном плане радикальное крыло, оказавшись в маргинальном положении, осталось без достаточного внимания со стороны ведущих мыслителей того времени.

Ф.М. Достоевский отмечал, что человечеству внутренне присущи два закона: закон самосохранения и закон самоуничтожения. В равной степени этим законам подвержены все слои общества, но в структурах элиты их проявление приобретает особую значимость. Преобладание деструктивного начала превращает элиту в разрушителя всей социальной системы⁸. Русское барство и западничество породило такое явление, как *«отщепенство»*. Лев Тихомиров писал: «К тому времени, когда мое поколение сдавалось на руки обществу, у нас уже была создана целая либеральная культура, отрицательные, по преимуществу антирусские стремления которой дошли в 60-х годах до апогея. Это было время, когда молодой блестящий подполковник Генерального штаба (Соколов⁹, впоследствии эмигрант) пред судом публично горделиво заявил: «Я нигилист и отщепенец». Военная молодежь шла в польские банды, чтоб убивать своих соотечественников для дела восстановления Польши, как будто выбирая девизом: «Где бунт – там отечество». Русская либеральная печать одобрила это безобразие...»¹⁰.

Генезис и эволюция отщепенства были исследованы в начале XX в. П.Б. Струве. Он указывал: «Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многостовное государство»¹¹.

Процессы формирования российской элиты в 1990-е гг. в значительной степени проходили под влиянием масштабных неозападнических радикалистских идеологических кампаний. И как столетие назад сплав агрессивности и примитивизма исключал саму возможность ведения конструктивного идеологического диалога. Слова «русский» и «патриот» употреблялись прозападными СМИ в качестве ругательств. И если в 1970-е гг. руководство СССР деклари-

¹ Цит. по: Хрестоматия по истории философии (русская философия). В 3-х ч. Ч. 3. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 159.

² «Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспokoйные из них стали атеистами; вялые и спокойные – индифферентными» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя. С. 39).

³ Цит. по: Хрестоматия по истории философии... С. 189.

⁴ Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 47.

⁵ Лосский Н.О. История русской философии / Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. С. 71.

⁶ Цит. по: Лосский Н.О. Указ. соч. С. 71.

⁷ Возглавляемое А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским движение получило название «славянофилы», первоначально относящееся к А.С. Шишкову и его сторонникам, которые в конце XVIII в. пытались возродить традиции и ценности русской старины, в том числе и церковнославянский язык. Рождение нового славянофильства связывают с выходом в свет в 1839 г. сочинения А.С. Хомякова «О старом и новом».

⁸ «... Нам не верят, все нас ненавидят, – почему? Да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее несколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками; те тоже ненавидят Россию, слыша в ней нечто новое и ни на что не похожее» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1980. Т. 27. С. 62).

⁹ Соколов Николай Васильевич (1832–1889) – русский революционер, нигилист. Сотрудник журнала «Русское слово» в 1860-х гг. В 1867 г. был сослан сначала в Архангельск, а затем в Астраханскую губернию, откуда в 1872 г. бежал за границу.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Москва, 1997. С. 78.

¹¹ Цит. по: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 274.

ровало появление новой социальной общности – советского народа, то современные реформаторы провозгласили существование «россиян». В ответ возник удачный афоризм Л. Шebarшина о том, что Россия – это страна, населенная русскими, которыми правят россияне. Нерусский, а зачастую антирусский характер преобразований правителей «россиян» позволяет констатировать наличие в современной России такого явления, как *отщепенство у власти*.

В конце XX в. радикализм правящего слоя начал постепенно сменяться либерализмом, но по своей сути и современная власть предрасположена к отщепенству. Знаковым в связи с этим является преобладание в высшем управленческом эшелоне представителей Санкт-Петербурга, города, название которого было символично изменено на немецкий манер. При всех попытках современного руководства проводить независимый внешнеполитический курс страны, а также минимизировать катастрофические последствия радикальных социально-экономических реформ западничество остается основной мировоззренческой характеристикой власти, ее «родимым пятном» и «клеймом». Западничество является ограничителем способности российской элиты эффективно выполнять свои управленческие функции.

В новейший период развития Российского государства альтернативой западничеству является евразийство. В разработке концепции евразийства как самостоятельного идеологического движения приняли участие философы (Л. Карсавин, Н. Лосский, Б. Вышеславцев), богословы (Г. Федотов, Г. Флоровский, В. Зеньковский), праведы (В. Ильин, Н. Алексеев), географы (Г. Вернадский), экономисты (П. Савицкий, П. Сувчинский), писатели (В. Иванов, Э. Хара-Даван), историки и литературоведы (А. Шахматов, Д. Святополк-Мирский, В. Никитин), лингвисты и культурологи (Н. Трубецкой, Р. Якобсон) и др. Связующим звеном евразийства с неоевразийцами стал Л. Гумилев (1912–1992).

В определенной степени евразийство, развивая наследие славянофилов и «почвенников» пришло на смену тюркскому влиянию *панславизму* (системе идей славянской культурно-политической взаимозависимости, выражавшейся в стремлении создать конфедеративный союз всех славян или федерацию под эгидой русского народа)¹: в ходе Первой мировой войны (как и позже во Второй) славянские народы оказались втянутыми в противоборствующие союзы. Идеал всеславянского союза не выдержал проверку временем. «Концепциям евразийцев присущ ярко выраженный антиевропоцентризм, лишь относительно совпадающий с антиевропоцентризмом в русской историографии XIX в. Славянофилы и их последователи стремились прежде всего доказать право России на самобытность. Перед евразийцами стояла другая задача: выявить причины революции 1917 г., которая привела к краху традиционной русской культуры – вопреки всем пророчествам большинства их предшественников. Соответственно, евразийцы развили идею Данилевского о том, что ориентация на Европу, болезнь подражательности, которой страдает еще не достигшая уровня цивилизации русская культура, может привести ее к гибели»².

«В ходе первой мировой войны стало трагически ясно, что Россия так отлична от индустриальных европейских наций, что утверждать западную суть России – значит не видеть главных ее социально-психологических характеристик. Говоря словами Н.С. Трубецкого, война "смысла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, жадно лягающего зубами". Такой лик не привлекал Россию, ощутившую к тому же, что ей не одолеть индустриальной мощи Германии. На полном ходу Россия сошла в 1917 г. с западной колеи развития. Внезапно рухнувшая прозападная культура России остро поставила вопрос об отношении России к Европе, к Западу в целом. Поразительная легкость, с которой рухнула эта культура, немедленно вызвала к жизни идеи о неорганичности западного влияния в России, об особенностях ее пути, не обязательно ведущего к сближению с Западом. Слом старой системы, неотчетливые новые ориентации, понимание невозможности возврата к прежнему, ощущение начала новой эпохи, привели часть интеллигенции к мысли о необходимости выявления базовых обстоятельств и отсечения второстепенных»³.

Ключевой идеей евразийства стало признание и всестороннее обоснование самобытности исторического пути России. «Россия-Евразия – это особый географический и культурный мир», – провозгласили евразийцы. «Евразийцы предложили категорию месторазвития в качестве главной категории анализа. Призывая к созданию некоторой синтетической науки геософии, они имели в виду, говоря сегодняшним языком, целостное учение о цивилизации. Ее культурно-историческое своеобразие складывается и утверждается в ходе длительного взаимодействия общества как конкретного социального организма с окружающей его природной средой»⁴.

«Суть теории евразийства в том, что миссией России является восстановление равновесия между Азией и Европой, нарушенного возвышением Запада. Новейшие судьбы России, начиная с XXI в., следует рассматривать не как движение в направлении Европы, как к центру мирового притяжения, а как грандиозную попытку восстановления смещенного Западом истинного центра и тем самым воссоздания "Евразии". Этим Россия сама обретала функции мирового центра. Евразийцы увидели Россию в функции центра Старого Света не только в общен историческом и общекультурном, то есть в умозрительном смысле, но и в хозяйственно-географическом. Этот центр охватывает всю совокупность исторического степного мира, всю центральную область старого материка. Вовне остаются континентальные "окраины" – Западная Европа, Китай, Индия, выдвинутые в море. Эти регионы обращены преимущественно к ведению хозяйства океанического. Экономика же России – Евразии составит в будущем, в перспективе особый внутриконтинентальный мир. Евразийцы очень надеялись, что этот мир будет автономным, независимым от Запада»⁵.

¹ «Добить издыхающую Оттоманскую империю, а затем разрушить монархию Габсбургов, поместив на месте этих двух держав кучу маленьких независимых национальных королевств, которые только и ждут этого торжественного часа своего окончательного освобождения, чтобы броситься друг на друга. Действительно, стоило России страдать и бороться тысячу лет, становиться христианской со святым Владимиром и европейской с Петром Великим, постоянно занимая при этом своеобразное место между Востоком и Западом, и все это для того, чтобы в последнем счете стать орудием «великой идеи» сербской и «великой идеи» болгарской!» (Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 225).

² Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации. Вып. 6. С. 194.

³ Уткин А.И. Россия и Запад. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50390> (дата обращения: 11.03.2008).

⁴ Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Изд-во РАГС, 1995. С. 37.

⁵ Уткин А.И. Россия и Запад.

Теоретическим фундаментом евразийства послужило развитие теории всеединства и в частности концепция «симфонической личности» Л.П. Карсавина. Субъектом истории, по Карсавину, является человечество как реальная «симфоническая личность», все человечество как единство во всем его времени и пространстве, в идеале как совершенное всеединство. «Концепция "симфонической личности" побуждала евразийцев поднять проблему поликонфессиональности России. Соборное единство переосмыслилось в аспекте единства, точнее симфонии, многих вероисповеданий, в котором находилось место языческим верованиям, буддизму и исламу»¹.

Россия, по мнению евразийцев, всегда выступала объединителем земель и в этом заключалась определенная геополитическая задача, которую решала Россия по отношению ко всему территориальному пространству материковой Евразии. «В широтном направлении российская равнина предлагает три разные коммуникативные формы между Атлантикой и Тихим океаном. Самая древняя из них – это Великий шелковый путь, унаследованный российской цивилизацией от Востока. Вторая – великий северный путь, открытый и освоенный русскими первопроходцами в XVI–XVII вв. Третья, срединная, восходит к походам Ермака и получает завершение в индустриальную эпоху, от транссибирской магистрали, проложенной в конце XIX в., до Байкало-Амурской магистрали, построенной в 70-х гг. XX в. Сегодня все эти три формы получают значение альтернативных вариантов "евразийства": российского, тюркского и конфуцианско-буддийского. Россия не противопоставляла эти варианты, а постепенно сближала их, выстраивая в единое коммуникативное межкультурное поле, в котором интеграция и синтезы преобладают над жесткими дилеммами и противопоставлениями»². «Среди многочисленных жертв безудержной экспансии Запада Россия находится, с точки зрения евразийцев, в совершенно особом, уникальном положении. Она лежит на пути к колоссальной Азии, где живет половина человечества. И она не только ближе к Азии географически, она содержит в своем менталитете черты, делающие ее более близкой Азии, идеальным посредником между средоточием могущественного меньшинства и местообитанием отставшего в своем развитии большинства. В этом ключ. России предназначено быть мостом между Западом и Востоком, ее судьба – быть умелым посредником, осью мирового баланса»³.

Высокая интеграция в сфере русской культуры⁴ в определенные исторические периоды не дополнялась должной консолидацией социальных элементов. Соборности, «идеи великой общины», «целого гражданского мира» по мысли основоположника славянофильства А.С. Хомякова, в истории России противостоят начала разъединенности, отражающиеся на жизни сословий Российского государства. И если в эпоху Владимира Великого, Владимира Мономаха, в период формирования единой системы Московского служилого государства преобладал объединительный потенциал, то во времена усобиц, реформ, направленных на заимствование ценностей иных социально-политических общностей, связующие звенья социального организма ослабевают, усиливается потенциал разрушения.

В качестве удачного синтеза разнородных начал отечественной цивилизацией можно привести русскую культуру Серебряного века. В этот период полярные по своей ориентации, противоречивые по содержанию направления отечественной культуры образовали мощный единый духовный поток. Единение было достигнуто не за счет сменения или компромисса: оба течения, сохраняя свои особенности, слились за счет одновременного выхода на новые качественные уровни, подобно двум рекам, вышедшим из берегов. Синтетичность этого периода отразилась в характеристике взаимодействия западников и славянофилов того времени, данной Герценом, сравнивающим два течения общественной мысли России с двуглавым орлом: смотрели в разные стороны, а сердце билось одно.

Синтез сменился раздвоением, а затем разрывом преемственности, попыткой построения новой структуры социальной общности после разрушения до основания. Трагическую роль в этом разрушительном процессе сыграла русская интеллигенция, оставшаяся глухой к призыву Вл. Соловьева: «...Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, – мы должны же наконец увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность»⁵.

Но уже с тридцатых годов XX в. Советский Союз принимает на себя традиционные гецивилизационные обязанности Российской империи: в том числе геополитические и социокультурные. В основном они относились к противостоянию с Западом и были успешно выполнены (Советский Союз остановил экспансии Германии и США, сохранил мировой статус русской культуры). «Подобно тому, как после 1613 г. Россия первых Романовых во главе с Филаретом решительно отгораживается от Западной Европы, Сталин после 1945 г. жестко проводит водораздел между восточно-европейским и атлантическим миром. Поразительно, но еще при дворе Александра Михайловича строили планы реализованного Сталиным Беломорско-Балтийского канала. Равным образом была избрана первая гигантская тюрьма – Соловецкий монастырь, место ссылки в далекие годы Ивана Грозного. В тюрьмы ГУЛАГа пошла та прозападная интеллигенция, которая пыталась приблизить страну к атлантическому миру. Режим, с молчаливого согласия запуганных и добровольно присоединившихся жителей страны, осуществил попытку модернизации не в союзе с западным миром, а самостоятельно или даже противостоя этому миру»⁶. Но запаздывание изменений в ключевой для Руси идеологической сфере подорвало внутреннюю стабильность государства и привело к его распаду. В результате этого критически обострились проблемы безопасности во всех сферах жизнедеятельности Российского государства. Их разрешение рассматривается как первоочередная задача современной российской действительности.

Философ и дипломат К.Н. Леонтьев (1831–1891) отмечал, что Россия не просто государство, Россия, взятая в це-

¹ Хачатурян В.М. Указ. соч. С. 198.

² Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 221.

³ Уткин А.И. Россия и Запад.

⁴ «Культура – это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения – народом, нацией. В понятие "культура" должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственность и моральные нормы поведения людей и государства... Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» (Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 9. С. 3).

⁵ Соловьев В.С. Философская публицистика. Т. 1. С. 31.

⁶ Уткин А.И. Россия и Запад.

лом, со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности¹. Возможно, это связано с ролью славянства в Евразии, характеризуемой А.С. Панариным следующим образом: «Драматизм славянской судьбы состоит в пограничном статусе славянства: ни Запад, ни Восток по-настоящему не считают его своим и на крутых поворотах истории неизменно склоняются к тому, чтобы решить свои проблемы за его счет. Этому немало способствует и демографическая малочисленность славянства (по глобальным меркам), и его слабая организованность, и излишняя пластичность его культуры, готовой усваивать и адаптировать противоречивые импульсы Востока и Запада. Уникальность России среди всех славянских народов состоит в том, что только ей удалось создать прочную государственность, способную выживать в крайне жесткой геополитической среде, постоянно осаждаемую с разных сторон евразийского континента»².

Неудачи в синтезе, попытки упрощения в решении задач развития приводили к раздвоенности, поляризации или односторонней ориентации в различных сферах, «...плоды особенно отвратительные формы квазицивилизации», которые П.Н. Милуков, оппонировав в 1920-х гг. понятию «Евразия», назвал термином «Азиопа», обозначающим «дурной синтез цивилизаций»: «западный» принцип плюрализма политических партий сочетается у нас с «восточным» принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых... под конкретного лидера...»³.

В современной внутривластной жизни России «Азиопа» проявляется в таких разнообразных формах, как безответственность и бесконтрольность власти, слабость парламентаризма и институтов гражданского общества, неразвитость бесконфликтных форм борьбы политических сил. Эти квазицивилизационные особенности российского социума оказали двойственное, противоречивое воздействие на современное развитие Российского государства.

С одной стороны и в конечном итоге они ослабляют государство, подрывают устойчивость политической системы и эффективность экономики, затрудняют выработку единого внешнеполитического курса, безусловно, связанного в современных условиях и с выбором стратегии развития в целом, снижая тем самым общий потенциал Российской Федерации как геополитического субъекта. А с другой – стали причиной того, что государство в России всегда играет особую роль, выступая как эффективный (иногда единственный) социокультурный механизм установления и поддержания согласия в общественно-политической жизни.

Государство в России зачастую стояло над обществом, жестко обеспечивая его единство и развитие, подавляя личностные и отдельные социальные группы. История русских смут свидетельствует, что как только государство в силу тех или иных причин становилось слабым и неэффективным, следовал глубочайший кризис всего общества, сопровождающийся политической дезинтеграцией, будь то Российская империя или Советский Союз⁴.

Россия, совмещающая в себе сущностные черты и Запада (в лице современных западников), и не-Запада (нео-евразийство), в итоге пока остается в целом не-Востоком. В социально-политическом аспекте реализация в России конструктивной синтетической модели Евразии связана с преодолением феномена «Азиопа». «К сожалению, некоторые теоретики евразийство ассоциируют с уходом страны в Азию, хотя само понятие "Евразийство" Европу ставит на первое, а не на второе место. ...Паническое бегство мысли некоторых авторов в Азию обусловлено теми потерями, которые Россия понесла в связи с распадом СССР. Однажды Россия, проделывая путь Чингиз-Хана в обратном направлении, интегрировала под своим началом гигантскую территорию, став, таким образом, биконтинентальной. С Россией граничат 16 государств мира. С распадом СССР существенно изменились границы страны, сузились выходы к морю. Ухудшилась геополитическая обстановка на морских границах на Балтике, где ее протяженность сократилась более чем втрое. Она существенно ухудшилась на Черном море. Потеряны лучшие порты, центры судостроения (Одесса, Николаев, Севастополь, Ялта). На Каспийском море утрачены не менее значимые позиции. Неизменными остались границы России лишь на Тихом и Северном Ледовитом океане»⁵. Но по верному замечанию Владимира Соловьева «...Россия не призвана быть *только* Востоком... в великом споре Востока и Запада она... должна быть в высшем смысле третейским судьей этого спора»⁶.

В связи с изложенным становится очевидным, что всестороннее развитие евразийской концепции в современных условиях является не только фундаментальным научным направлением, но и актуальнейшим социально-политическим интеграционным проектом: «...для нас евразийство – историческая модель, используя которую можно создать концепцию синтеза восточной и западной культур, которая позволит человечеству понять стратегические пути спасения от планетарного самоуничтожения, а России даст шанс занять достойное место в ряду развитых стран»⁷.

Бесплодные попытки заимствования и навязывания чуждых идеалов и ценностей следует прервать прорывом к новому этапу Русского пути. Только в качестве преемника и продолжателя традиций цивилизации Русь может развиваться в третьем тысячелетии суверенная Россия. Россия, в которой государство возьмет на себя ответственность за сохранение и развитие основных социальных структур внутри страны и за стабильность в геополитическом окружении.

Выдающийся русский историк Н.И. Костомаров, рассуждая о последствиях Смутного времени 1604–1613 гг., писал: «Народная громада завершила дело спасения Руси... и показала истории, что в ней-то именно и хранится живущая сила Руси, что в этой Руси есть душа, народное сердце, народный смысл»⁸. И в XXI в. у народной громады России аналогичная задача. При этом Русская идея, народный смысл русской культуры должны послужить основой реализации

¹ «Гармония не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством, по временам жестокая борьба» (цит. по: Зеньковский В.В. Указ. соч. Т. 1, ч. 2. С. 47).

² Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. С. 224.

³ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 12.

⁴ См.: Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С. 328.

⁵ Хабибуллин К. Атлантизм и евразийская перспектива России // Международная конференция «Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций». Тезисы / Под ред. Л.В. Ниязова и К.Х. Каландарова. М.: Монолит, 2001. С. 95.

⁶ Соловьев В.С. Философская публицистика. Т. 1. С. 72.

⁷ Амиров Р. Урало-Поволжье как объект исследования евразийства // Международная конференция «Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций». Тезисы / Под ред. Л.В. Ниязова и К.Х. Каландарова. М.: Монолит, 2001. С. 66.

⁸ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. С. 781.

альтернативного глобального проекта, привлекательного для многих регионов мира¹. Уникальный интеллектуальный, ресурсно-технологический и военный потенциал России, а также конструктивные политические отношения со всеми лидерами незападного мира позволяют именно нашей стране сыграть роль связующего звена в создании коалиции государств, способных снизить разрушительные последствия приближающейся Глобальной смуты.

ЛИТЕРАТУРА

9. Амиров Р. Урало-Поволжье как объект исследования евразийства // Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций. Международная конференция. Тезисы / Под ред. Л.В. Ниязова и К.Х. Каландарова. М.: Монолит, 2001.
Amirov R. (2001). Uralo-Povolzh'e kak ob'ekt issledovaniya evraziistva. In Evraziistvo – budushchee Rossii: dialog kul'tur i tsivilizatsii. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy. Pod red. L.V. Niyazova i K.Kh. Kalandarova. Monolit, Moskva.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1980.
Dostoevskii F.M. (1980). Polnoe sobranie sochinenii. Nauka, Leningrad.
11. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2.
Zen'kovskii V.V. (1991). Istoriya russkoi filosofii. Ego, Leningrad. T. 1. Ch. 2.
12. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.
Zinov'ev A.A. (2004). Na puti k sverkhobshchestvu. Izdatel'skii dom «Neva», Sankt-Peterburg.
13. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 6–17.
Kara-Murza A.A., Panarin A.S., Pantin I.K. (1995). Dukhovno-ideologicheskaya situatsiya v sovremennoi Rossii: perspektivy razvitiya. Polis. N 4. Pp. 6–17.
14. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994.
Kostomarov N.I. (1994). Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. Charli, Moskva.
15. Лосский Н.О. История русской философии / Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991.
Losskii N.O. (1991). Istoriya russkoi filosofii / Per. s angl. Sovetskii pisatel', Moskva.
16. Мокренко В.И. Русская идея и современная Россия: социально-философский анализ. Дисс. ...канд. философ. наук / Российская академия управления. М., 1993.
Mokrenko V.I. (1993). Russkaya ideya i sovremennaya Rossiya: sotsial'no-filosofskii analiz. Diss. ...kand. filosof. nauk. Rossiiskaya akademiya upravleniya, Moskva.
17. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
Panarin A.S. (1999). Rossiya v tsiklakh mirovoi istorii. Izd-vo MGU, Moskva.
18. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
Panarin A.S. (2003). Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke. Algoritm, Moskva.
19. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
Panarin A.S. (1996). Filosofiya politiki. Novaya shkola, Moskva.
20. Почему люди ненавидят Америку? / 3. Сардар, М.В. Дэвис. Пер. с англ. М.: Проспект, 2003.
Pochemu lyudi nenavidyat Ameriku? / 3. Sardar, M.V. Devis. Per. s angl. Prospekt, Moskva. 2003.
21. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.
Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii. Sost., vstup. st., komment. I.A. Isaeva. Russkaya kniga, Moskva. 1992.
22. Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Москва, 1997.
Tikhomirov L.A. (1997). Kritika demokratii. Izdatel'stvo «Moskva», Moskva.
23. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
Utkin A.I. (2003). Edinstvennaya sverkhderzhava. Algoritm, Moskva.
24. Уткин А.И. Россия и Запад. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50390> (дата обращения: 11.03.2008).
Utkin A.I. (2008). Rossiya i Zapad. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50390>
25. Хабибуллин К. Атлантизм и евразийская перспектива России // Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций. Международная конференция. Тезисы / Под ред. Л.В. Ниязова и К.Х. Каландарова. М.: Монолит, 2001.
Khabibullin K. (2001). Atlantizm i evraziiskaya perspektiva Rossii. In Evraziistvo – budushchee Rossii: dialog kul'tur i tsivilizatsii. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy. Pod red. L.V. Niyazova i K.Kh. Kalandarova. Monolit, Moskva.
26. Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации / Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2004. Вып. 6.
Khachaturyan V.M. (2004). Istoki i rozhdenie evraziiskoi idei. In Tsivilizatsii. In-t vseobshchei istorii. Nauka, Moskva. Vyp. 6.
27. Хрестоматия по истории философии (русская философия). В 3-х ч. Ч. 3. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
Khrestomatiya po istorii filosofii (russkaya filosofiya). V 3-kh ch. Ch. 3. Gumanit. izd. tsentr VLADOS, Moskva. 1997.
28. Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Изд-во РАГС, 1995.
Shevchenko V.N. (1995). K sovremennym sporam vokrug evraziiskoi idei. Sotsial'naya teoriya i sovremennost'. Vyp. 18. Evraziiskii projekt modernizatsii Rossii: «za» i «protiv». Izd-vo RAGS, Moskva.
29. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). Vol. XXII. Autumn 1992.
30. Mann S.R. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics and National Security. Washington, D.C. 1998.

¹ «Китайская, российская и индо-буддистская цивилизации вместе, возможно, образуют систему того не-Запада, от которого будет исходить новая формационная инициатива, демонстративно отвергаемая Западом во имя выгодного ему статус-кво. Этот формационный сдвиг будет, по всей видимости, осуществляться совсем в другом контексте и по другим критериям, нежели те, что предложены европейскими формационными теориями» (Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 755).